

Глава 13

На съёмочной площадке Линь Сынянь чувствовал, что остальные участники вольно или невольно уступают ему, а Лян Чуань и Лу Цзэмин, как старожилы, постоянно старались вовлечь его в разговор, давая возможность блеснуть.

Всё это было заранее оговорено со съёмочной группой и ведущими. Хотя на словах все гости были равны, на деле это было далеко не так.

Например, на прошлых съёмках один из гостей, которому не хватило денег от съёмочной группы и которому было запрещено просить у прохожих, вынужден был полночи идти пешком до гостиницы.

Если бы подобное случилось с Линь Сынянем, режиссёр всерьёз опасался бы покушения со стороны его фанатов. И это была не пустая параноя: после выхода того выпуска с гостем-бедолагой, режиссёр получил посылку с окровавленной гипсовой головой.

С тех пор он не выходил из дома без нескольких телохранителей.

Режиссёр дал знак, и съёмка официально началась. Все участники мгновенно вошли в образ.

Сцену, где Линь Сынянь выходит из машины и здоровается с Лян Чуанем, Лу Цзэмином и остальными, пришлось переснять.

Линь Сынянь отнёсся к этому как к части актёрской работы, без тени неловкости. Он снова поприветствовал Лу Цзэмина, и они обменялись парой любезностей.

Только на этот раз Лу Цзэмин не стал спрашивать о личной жизни, а озвучил вопрос, который волновал всех поклонников Линь Сыняня.

— Сынянь, как ты в последнее время? Выглядишь отлично, — спросил он.

Линь Сынянь кивнул:

— Неплохо.

Камера тут же взяла крупным планом его лицо, светящееся здоровьем.

Из пяти постоянных ведущих только Лян Чуань и Лу Цзэмин активно общались с Линь Сынянем. Остальные трое — Хань Жуй, Цю Лян и Цзи Цзыжун — выглядели так, будто хотели что-то сказать, но не решались.

Дело было не в их робости, а в особом статусе Линь Сыняня.

В год его дебюта шоу талантов только набирали популярность во всём мире. Линь Сынянь, как один из первых и самых ярких представителей этого движения, ставший суперзвездой сразу после дебюта, в глазах молодых артистов был легендой, первопроходцем.

Тем более что позже он успешно перешёл в кинематограф и добился там ошеломительных успехов.

Особенно трепетал Цзи Цзыжун. Он то и дело бросал на Линь Сыняня восхищённые взгляды, но подойти боялся. В основном потому, что в юности по неопытности ляпнул в интервью, что Линь Сынянь — его кумир и образец для подражания. После этого на него обрушилась волна хейта от радикальной части фанатов Линь Сыняня, которые обвинили его в попытке примазаться к славе их идола.

Это так напугало парня, что с тех пор он ни разу публично не упоминал имя Линь Сыняня.

Лян Чуань заметил робкие взгляды Цзи Цзыжуна и, чтобы разрядить обстановку, поманил его к себе, а затем, указав на него, сказал Линь Сыняню:

— Вот твой преданный поклонник. Он чуть ли не алтарь тебе дома устроил.

Линь Сыняня передёрнуло от слова «поклонник», но, увидев подбежавшего Цзи Цзыжуна, он всё же с улыбкой кивнул ему.

Лян Чуань и Лу Цзэмин тут же позвали и остальных двоих — Ханя Жуя и Цю Ляна. Если бы они так и простояли всю съёмку, не проронив ни слова с главным гостем, кроме приветствия, какой в этом был бы толк?

Атмосфера только начала теплеть, как вдруг ассистент Линь Сыняня, Лю Ян, показался на краю площадки и стал робко поглядывать в его сторону. В руках он держал телефон, будто горячую картофелину.

Лю Ян был в панике. Телефон Линь Сыняня, который тот оставил в машине на время съёмок, разрывался от звонков. Видимо, Линь Сынянь случайно включил беззвучный режим. Когда ассистент заметил это, на экране было уже три пропущенных вызова.

Этот номер знали только самые близкие, и Лю Ян не смел ответить сам. Но звонили так настойчиво, что он понял: дело срочное.

Однако прерывать съёмку он тоже боялся. Поэтому он и топтался на месте, пытаясь привлечь внимание.

Линь Сынянь заметил его и, увидев беспокойство на лице ассистента, жестом попросил режиссёра сделать паузу.

Режиссёр без проблем согласился — съёмка только началась, и небольшая пауза ни на что не влияла.

Линь Сынянь быстрым шагом подошёл к ассистенту и взял телефон. Номер был из старого особняка.

Как только он ответил, из трубки донёсся детский плач, такой надрывный, что у него сердце сжалось. Голосок был совсем охрипшим.

— Папа... всхлип... папа не берёт трубку... у-у-у... папа больше... больше не хочет Фэйфэя...

От этих слов у Линь Сыняня всё внутри перевернулось.

— Нет, нет, что ты, — поспешно стал он утешать его. — Как папа может не хотеть Фэйфэя? Папа скоро вернётся.

В этот момент в трубке послышался не детский голосок, а рык Линь Гошэна, выхватившего телефон:

— Бросил ребёнка одного дома, ещё и трубку не берёшь! Что ты за отец такой?!

Линь Сынянь на мгновение потерял дар речи. Только что дед требовал, чтобы он оставил Фэйфэя и ехал работать, а теперь сам же его и отчитывает.

Впрочем, сейчас было не до этого. Главное — успокоить малыша. Голос у него совсем сел, сколько же он плакал?

На заднем плане он услышал, как Ян Юйин отчитывает мужа: «Я же говорила тебе не болтать лишнего при ребёнке! Ты что, не знал, что дети всё воспринимают всерьёз?»

После гневной тирады Линь Гошэн вернул телефон заплаканному малышу.

— Папа...

От этого жалобного зова сердце Линь Сыняня растаяло. Он мягко и терпеливо объяснил малышу причину его такого долгого плача.

Не только Линь Сынянь слушал, но и Линь Гошэн с Ян Юйин и остальные.

Из обрывочных фраз малыша все наконец поняли. Оказывается, Фэйфэй всерьёз воспринял слова Линь Гошэна и Линь Ханя, решив, что папа действительно ушёл один, оставив его. Потому он так и убивался.

Поняв причину, Линь Сынянь стал терпеливо объяснять, что он просто на работе, а вечером обязательно вернётся, и что он никогда его не бросит.

Осознав это, Фэйфэй, которого никто не мог успокоить, постепенно перестал всхлипывать.

— Папа работает, чтобы заработать денежки для Фэйфэя, это очень тяжело. Фэйфэй больше не будет плакать. Фэйфэй будет послушно ждать папу дома, — сказал он тоненьким, но уже успокоившимся голосом.

Раньше Фэн Юэи часто ругала его, говоря, что она в поте лица работает, чтобы содержать его, бесполезного нахлебника, который даже говорить не умеет.

Поэтому Фэйфэй знал, что работа — это тяжело. Просто он не сразу связал работу папы со словами Фэн Юэи.

А теперь, осознав, он сразу почувствовал, как тяжело его папе. И его собственное желание быть с ним отошло на второй план.

Услышав такие слова от малыша, Линь Сынянь почувствовал, как в груди разливается тепло. Ну как можно быть таким милым и трогательным?

Чтобы подбодрить сына, он сказал:

— Фэйфэй хочет тортик от дяди Ли? Папа вечером привезёт.

— Правда? Спасибо, папа! — Глазки малыша, ещё красные от слёз, тут же радостно заблестели, превратившись в полумесяцы.

Надо сказать, что в особняке семьи Линь не хватало только одного — стряпни Ли Сюя. Малыш очень полюбил его еду и десерты, и даже повар в особняке не мог с ним сравниться.

Договорившись с Фэйфэем, Линь Сынянь повесил трубку, вернул телефон ассистенту и велел сразу же сообщать ему, если будут звонить с этого номера. Затем он вернулся к съёмкам.

Но теперь он был мыслями далеко. Он понял, почему многие в шоу-бизнесе, заведя семью и детей, сокращают работу или вовсе уходят со сцены.

Когда у тебя есть такой малыш, который звонит тебе срывающимся от слёз голосом и говорит, что скучает, как тут можно работать?

Линь Сынянь уже мысленно летел домой.

***

В доме семьи Линь.

Фэйфэй, повесив трубку, посмотрел на окруживших его дедушку, бабушку и брата и смутился.

Он потёр ручкой об одежду.

— Фэйфэй думал, папа меня бросил, поэтому плакал. Я не потому что не люблю дедушку, бабушку и братика.

— Фэйфэй всех любит. Любит папу, любит дедушку, и бабушку, и дядю, и братика, всех-всех любит. Папа вечером вернётся, Фэйфэй больше не будет плакать, — пролепетал он.

От этих слов сердца всех присутствующих растаяли. Ян Юйин подхватила малыша на руки и принялась осыпать его поцелуями, приговаривая «моё сокровище, мой золотой».

Линь Гошэн и Линь Хань вздохнули с облегчением.

Странно, но когда малыш плакал, у них у самих на душе было как-то тоскливо и тяжело. А теперь снова выглянуло солнце.

<http://bllate.org/book/13654/1583254>